

Новый Исход: как евреям живется в Европе

Амит Якоби, (Берлин), израильско-немецкий актер и режиссер

Европейские евреи переживают не лучшие времена. Антисемитизм на подъеме, подпитываясь тенденциями, ставящими под угрозу европейское самосознание и его ценности. Ультраправые движения усиливаются, а с Ближнего Востока просочились религиозная нетерпимость и фанатизм.

Сегодня в Европе проживает порядка 1,4 миллиона евреев. Они — неотъемлемый элемент континента, всегда представлявшего собой мозаику культур и религий. Премьер-министр Израиля Нетаниягу обратился к европейским евреям с призывом репатриироваться из соображений безопасности. Страх можно понять, но согласие означало бы отрицание европейской многокультурности и поставило бы под сомнение европейскую идентичность. Прислушаемся к мнениям евреев из разных стран, представляющих европейское сообщество.

Натали Нугейред

Жан-Франсуа Бенсаэль, 51 год (Париж)

президент Реформистского союза израэлитов

Рост антисемитизма — это европейский феномен, но первыми начали стрелять именно во Франции. В республике, которая ставит во главу универсальные ценности, последние 40 лет атеизм и ассимиляция создали

основы для культурного плюрализма и геттоизации. От последствий всего этого мы и страдаем.

Нападение на редакцию газеты «Шарли Эбдо» показало, что «еврейский вопрос» — это и «французский вопрос» тоже. Многие говорят, что пора уезжать, они боятся, что на них нападут прямо на улице просто за ношение кипы или звезды Давида. Все больше людей связывают свою идентичность с вероисповеданием. Французы никак не реагировали на антисемитские убийства в прошлом, и за последние 30-40 лет придумано множество оправданий радикализации мусульман — считалось, что всему виной их социальное и экономическое положение, а также обострение палестино-израильского конфликта.

Мы били тревогу и раньше, но последние события демонстрируют, что уже перейдены все границы. Евреи Франции разозлены и в то же время пребывают в отчаянии — хочется затаиться. Появился страх, что нас не слышат и никогда не услышат. Перед синагогами стоят вооруженные солдаты — это одновременно и успокаивает, и вызывает беспокойство. Власти прилагают огромные усилия для стабилизации ситуации, и наша задача — убедить общественность, что под прицелом не только мы, евреи, но и они — французы, европейцы.

Даля Голда, 33 года (Бухарест)

основательница еврейского детского сада Gan Eden

В Румынии очень мало евреев — официально всего 7000. Нас смели с лица земли во Вторую мировую. Очень важно, разумеется, открывать мемориалы памяти жертв Холокоста (вроде того, что появился в 2009 году), но еще важнее — просвещать население. Когда я работала в Еврейском культурном центре, мне постоянно звонили, в том числе и ночью, и кричали в трубку: «Ты — еврейка». Но это меня не остановило.

Мой дедушка выжил в Холокосте. В коммунистическую эпоху румынам не позволяли соблюдать религиозные обычаи, но разрешали организовывать хоры и проводить уроки пения — именно там каждое воскресенье нам рассказывали о религии и традиции. Это был такой секрет полишинеля.

Многие евреи уехали из Румынии еще в годы молодости моей мамы, часть

эмигрировала в начале 1990-х. Когда я родилась, в моем родном городке Сучава было не больше 30 молодых евреев. На мою бат-мицву пришло только шесть гостей. Сейчас община Сучавы почти мертва. Да, в Европе растет волна антисемитизма, но в румынском обществе этого не наблюдается. Особой разницы между тем, как живут румыны и румынские евреи, нет. Евреи — это часть европейского культурного полотна. Отказавшись от них, придется отказаться и от части Европы.

Амит Якоби, 34 года (Берлин)

израильско-немецкий актер и режиссер

Будучи евреем, для других ты автоматически становишься мишенью — это навсегда. Еврейство продолжает быть частью твоего «я», даже если ты самый яркий берлинский хипстер, художник и вообще атеист. Я тому пример. Из этого города моему деду пришлось бежать, отсюда моих прадедушек и прабабушек увезли в Аушвиц на смерть. Я из тех молодых израильтян, которые переехали жить в Берлин. Самый вопиющий акт антисемитизма, с которым мне довелось столкнуться, — это когда молодой парень вполне европейской наружности подошел ко мне и туристу из Израиля, с которым мы говорили на иврите, и посоветовал «усвистывать в Израиль». Я просто задохнулся от возмущения.

Нетаниягу, за эти несколько лет превративший Израиль в очень небезопасное место для евреев, набрался наглости призвать иудеев уехать из Европы, потому что в ней, знаете ли, небезопасно. Это манипуляция чистой воды. Однажды я жутко распереживался за своих родителей — они живут в Тель-Авиве, а бомбы падали уже недалеко от города. Тогда мне сказали: «Ты лучше посоветуй им проголосовать за другое правительство».

Когда я снимал видео (Амит гулял по улицам Берлина в кипе с другом, который фиксировал реакцию прохожих на скрытую камеру — прим. пер.), многие поглядывали странно, но негативных реплик в свой адрес я не слышал. По моим ощущениям, в Берлине ситуация намного лучше, чем в Париже. Но антисемитизм — это часть европейской культуры. Он тут всегда был — и до Гитлера — и, похоже, никуда не делся. У меня нет желания перестать говорить на иврите или, читая книгу на иврите, прикрывать обложку. Это мой город, и я живу в нем свободно.

Рожер Абраванель, 68 лет (Милан)

пенсионер, в прошлом — консультант по менеджменту, вырос в Ливии

Когда я слышу о проявлениях антисемитизма, у меня появляется чувство, не раз испытанное в детстве в Ливии. В молодости мой папа был бедняком, но с годами сумел нажить состояние. Он был единственным евреем, приглашенным сидеть за одним столом с королем. Вы даже не можете себе представить, как часто я становился объектом дискриминации. В школе меня били. Я никогда не бывал в Израиле, у меня ливийский паспорт, но тем не менее, всегда находились те, кто ненавидел меня просто потому, что я — еврей.

Когда мне было 16, отец сказал: «Тебе тут делать нечего», и я уехал в Милан. После того, как к власти пришел Каддафи, моей семье пришлось бежать из страны. Мою сестру вывезли в аэропорт в багажнике машины. Мы потеряли все. В своей книге «Меритократия» я говорю Каддафи спасибо — благодаря ему я всего добился сам. В Италии у меня счастливая жизнь, не многие могут этим похвастаться. Миллионы евреев были выброшены из арабских стран — такой своеобразный мини-Исход. Я боюсь, что это может произойти снова, но уже в Европе, где мусульманский антисемитизм соединился с традиционным европейским.

Я итальянец, я люблю эту страну, много ей должен и всегда старался вернуть долг — тут я прошел военную службу, от которой вполне мог уклониться. Я заплатил немало налогов в итальянскую казну, сейчас работаю на правительство на общественных началах, болею за национальную футбольную команду «Ювентус». Лично я никогда не сталкивался с антисемитизмом со стороны итальянцев. Самое большое — высказывание вроде «у вас, евреев, отлично получается считать деньги». Но предрассудки живы. Каждый четвертый итальянец откажется сесть за один стол с евреем.

Рэйчел Силвейра, 38 лет (Лондон)

заместитель главы организации Three Faiths Forum («Форум трех религий»)

Великобритания — в хорошем смысле одна из самых «горячих точек» еврейства в Европе. Я никогда не испытывала проявления антисемитизма на

себе, но, думаю, для тех, кто открыто носит еврейскую символику, ситуация выглядит иначе. Поначалу, работая в Иудейском совете расового равенства, я никак не могла понять, почему евреи так негативно настроены по отношению к иммигрантам — при том, что мы тоже не коренное население. Проработав в этой сфере достаточно долго, я поняла, что все это из-за неуверенности в своем будущем. Появился страх, некоторые друзья перестали ходить на праздники в синагогу или посещать еврейский культурный центр из соображений безопасности.

Через организацию Three Faiths Forum проходит примерно 10 тысяч молодых людей ежегодно. Последние несколько месяцев они стали задавать вопросы, которые могут положить начало острым дискуссиям, например: «Вы говорите, евреи одобряют благотворительность — вы также одобряете убийство палестинских детей?» или «Почему евреи держат деньги под шапкой?» И нам пришлось объяснять, что человек, о котором говорил наш студент, скорее всего, просто пытался закрепить кипу под шапкой, а деньги он хранит в кармане, как и все остальные.

Мартин Красник, 43 года (Копенгаген)

журналист, писатель и телеведущий

Еврейской общине Дании 350 лет, и она отлично интегрирована. Но последние теракты в Копенгагене показали, что эта связь не очень-то прочна — новость об убийстве молодого еврея у синагоги ни у кого шока не вызвала.

От реакции премьер-министра до речи раввина у могилы — все было, как по сценарию. Еврейская община годами просила государство обеспечить защиту, но правительство относилось к этому с наивной несерьезностью, почти безразличием. Существование еврейских школ и учреждений теперь под большим вопросом. Охрана перед синагогой в такой стране, как Дания, — это, скорее, вопрос культуры, а не ресурсов и возможностей.

В прошлом году во время конфликта в Газе я брал телеинтервью у норвежского врача Мадса Гилберта и во время эфира попросил аудиторию высказаться по поводу обвинений Израиля в бомбежке школ и больниц. Комментарии зрителей были крайне оскорбительными, проявился старый дремучий антисемитизм, кто-то сказал, что из-за своего происхождения я не могу работать там, где работаю. В ответ я написал книгу «Fucking Jode» и

отвоевал право самостоятельно определять свою идентичность. Дания прячет голову в песок, когда речь заходит об антисемитизме, — мы не можем принять мысль о том, что он у нас есть.

Мартин Варсавский, 54 года (Мадрид)

предприниматель в области телекоммуникаций и новых медиа

Когда в прошлом году на чемпионате Европы мадридский «Реал» проиграл тель-авивскому «Маккаби», в центре внимания был вовсе не результат игры. Вместо того, чтобы обсуждать счет, испанские фанаты засыпали Twitter тысячами антисемитских твитов, в которых упоминались и газовые камеры, и Холокост.

До сих пор живы предубеждения, связанные с евреями, и большинство этих предрассудков основываются на невежестве. Сегодня в Испании очень мало евреев — около 6 тысяч в Мадриде и примерно 10 тысяч по всей стране. Большинство современных испанцев еврея никогда не встречали (при том, что в 1492 году евреи составляли 10% населения).

В качестве меры предосторожности общине пришлось усилить охрану, но по сравнению с другими городами Европы Мадрид кажется просто тихой гаванью. Как предприниматель, основавший несколько телекоммуникационных компаний, я бы переехал в Израиль, потому что это центр технологического мира, а не потому, что в Испании я боюсь за свою жизнь.

Борясь со второй волной экономического кризиса, Испания запустила кампанию по привлечению евреев — потомки сефардов смогут получить гражданство по упрощенной процедуре. Это прекрасно, но вряд ли спасет ситуацию — сейчас более половины молодежи не имеют работы, в целом по стране безработица достигла 20%.

The Guardian, публикуется в сокращении